

В. С. Юрченко

**ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА
И ФИЛОСОФИЯ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ**

**Лингвофилософские
очерки**

Ответственный редактор
профессор
Э. П. Кадыкалова

Вступительная статья
доктора филологических наук, профессора
О. Б. Сиротининой
и профессора Э. П. Кадыкаловой

Издание третье

URSS
МОСКВА

Настоятельная рекомендация издать в виде единой монографии лингвофилософские исследования В.С. Юрченко; ранее изданные в виде серии брошюр, прозвучала на международной конференции, посвященной его памяти (Саратов, 27-29 сентября 1999г.).

В.С. Юрченко был серьезным ученым со своей теорией соотношения языка и философских аспектов мироздания и мировосприятия. Мысли В.С. Юрченко могут признаваться или не признаваться, но признание его роли в лингвистической науке безусловно, о чем свидетельствуют не только российские, но и зарубежные (включая и дальнее зарубежье) статьи в сборнике «Предложение и слово» (Саратов, 1999) и обзорные статьи в сборнике «Актуальные проблемы русского языкознания: 1992-1998 гг. К XVI международному конгрессу лингвистов. Париж, июль 20-25 1997 г.» (М., 1997).

Рассыпанные по отдельным брошюрам, мысли В.С. Юрченко не могли быть оценены в полной мере. Собранные воедино, они представляют несомненную научную ценность для современного языкознания и философии.

Оригинальная монография В.С. Юрченко должна стать доступной широкому кругу лингвистов. Это важно сделать не только во имя памяти об одном из крупнейших ученых Саратова, но и ради будущего российской лингвистики.

О.Б. Сиротина

Юрченко Василий Семёнович

Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки / Отв. ред. Э. П. Кадькалова. Вступ. ст. О. Б. Сиротининой, Э. П. Кадькаловой. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 368 с. (История лингвофилософской мысли.)

Настоящая публикация — это монографическое издание серии лингвофилософских очерков В. С. Юрченко, объединенных общей идеей осмысления основных категорий языка, языковых процессов и лингвистической методологии.

Для специалистов в области общего языкознания, русского языка, лингвистической философии, преподавателей вузов, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется проблемами связи внеязыковой действительности, языка и языкового мышления.

1-е издание выходило под заглавием «Очерки по философии языка и философии языкознания».

Рецензент:

д-р филол. наук, проф. кафедры русского языка
Саратовского государственного университета О. Б. Сиротинина

Редакционная коллегия:

*канд. филол. наук О.Ю.Авдешкина; А.А.Волков (отв. секретарь);
канд. филол. наук, проф. Э.П.Кадькалова (отв. редактор);
канд. филол. наук, доц. О.В.Мякишева*

Издательство ЛКИ. 117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 9.
Формат 60×90/16. Печ. л. 23. Зак. № 1324.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, г. Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, д. 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–382–00522–5

© Издательство ЛКИ, 2007

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
	URSS Тел./факс: 7 (499) 135-42-48

5705 ID 70662

Лингвофилософские исследования

В.С. Юрченко

Вступительная статья

Чем занимаюсь я??

Я пытаюсь, по мере своих сил и способности, найти тот синтаксический каркас (*фон дамент*), на котором существуют все (главнейшие) синтаксические явления¹.

В.С. Юрченко

Концепция В.С. Юрченко закладывает основы синтеза некоторых современных лингвофилософских подходов².

Ю.С. Степанов

1

Доктор филологических наук профессор Василий Семенович Юрченко (1927 – 1998) был незаурядным теоретиком языкознания, со своеобразной творческой манерой и неординарным взглядом на язык.

Публикуемые работы ученого – его «лингвофилософские очерки» – объединены общей идеей философского осмысления основных категорий языка, языковых процессов и лингвистической методологии³. При жизни В.С. Юрченко они были изданы в форме отдельных брошюр, которые сам автор шутя (но очень точно) называл «рассыпанной монографией» и которые в настоящем издании впервые собраны вместе.

Предпринимаемое издание – это не только дань памяти автора. Здесь сведено воедино то, что по сути своей уже изначально было единым, хотя при жизни В.С. Юрченко, к сожалению, публиковалось отдельными малотиражными брошюрами на протяжении долгих семи лет: «Бог – Человек – Слово. Лингво-философский очерк» (1991); «Космический синтаксис. Бог – Человек – Слово. Лингво-философский очерк» (1992); «Философские и лингвистические проблемы семантики» (1993); «Реальное время и структура языка» (1994); «Очерк по философии грамматики» (1995); «Проблемы общей и русской грамматики»

¹ Из *Дневника ученого* (запись датирована маем 1970г., см. с 354-355 настоящего издания)

² *Степанов Ю.С.* Василий Семенович Юрченко – традиционалист-новатор философии языка // Предложение и слово – Саратов, 1999 – С. 7

³ Это не полное собрание его сочинений названной тематики. За пределами данной публикации остались журнальные статьи этого же цикла и самостоятельная монография «Космический синтаксис Бог – Человек – Слово» (Саратов, 1992. 137 с.) Сам автор, правда, и эту работу называл очерком

(1995а); «Языковое поле. Лингвофилософский очерк» (1996); «Предложение и слово. Проблема их соотношения в лингвофилософском плане» (1997).

Совершенно очевидно, что такая «россыпь» не содействовала восприятию концептуального единства работ ученого и их синтезирующей силы относительно «некоторых современных лингвофилософских подходов»¹. Увидеть это могли разве только те специалисты, на долю которых выпало либо регулярное научное общение с В.С. Юрченко, либо последовательное знакомство с каждым из названных очерков. Разумеется, что это было небольшое число языковедов.

Надо сказать, что сам В.С. Юрченко не был безразличен к сложившемуся положению. Его очень огорчала и малотиражность, и расчлененность единой, в сущности, работы, которая обречена была стать таковой без какой бы то ни было технической и финансовой поддержки в реальных условиях русской провинции 90-х годов. В одном из своих мини-предисловий он написал об этом: «Это – жанр вынужденный: издания осуществляются на скромную зарплату провинциального профессора. Этим же объясняется их далекое от совершенства «полиграфическое» исполнение» [1996: 1]².

Абсолютно лишенный амбициозного самолюбия, В.С. Юрченко тем не менее остро ощущал потребность быть услышанным и понятым своими единомышленниками и оппонентами. Он был совершенно искренен, когда говорил о своем скромном желании «на исходе жизни» всего лишь «записать то, о чем думал много лет, и хоть как-то опубликовать» без претензий «заинтересовать кого-либо своими идеями» [1997: 2]. Но он был не менее искренен и в грустном ощущении неполноты, плохой оформленности, малой читаемости опубликованного им и даже своего одиночества в науке: «многие... не принимают столь обобщенных (философских) суждений о языке и лингвистике, считая их чистой спекуляцией» [1997: 1].

Эти нелегкие ощущения постоянно жили в нем в последние годы, но, к счастью, никогда не брали верх над неодолимым желанием ученого «записать то, о чем думал много лет».

2

Несколько замечаний о структуре предпринимаемого издания. Как уже было сказано, по исходному (базовому) материалу это не моногра-

¹ Степанов Ю.С. Указ. раб. – С. 7

² Здесь и далее в скобках после цитаты указаны год издания и страница брошюры. Если год не назван, номер страницы относится к брошюре 1997

фия, а собрание лингвофилософских очерков ученого, написанных и изданных им в разные годы. В официальных отчетах автор их даже называл статьями (иногда брошюрами-статьями), однако единство развиваемой в них концепции несомненно. Этим фактом и определяется композиция данной публикации.

Она представлена в виде монографии, состоящей из 7 глав и 58 параграфов. Издание основного текста работы и небольших предисловий к ее главам (бывшим отдельным брошюрам) стереотипно. Редакционное вмешательство коснулось только композиционных деталей.

1. Некоторые изменения внесены в систему заголовков, на основе которых составлено Оглавление монографии.

Во-первых, выбрано общее название публикуемой монографии, подсказанное содержанием работы, авторской трактовкой «жанра» исследований «лингвофилософской тематики» (см. об этом ниже) и коррелирующее с авторскими названиями брошюр этого цикла.

Во-вторых, в названиях глав монографии вынесены основные составляющие названий брошюр-очерков (без подзаголовков).

В-третьих, внесено единообразие в оформление параграфов, которые в одних брошюрах, изданных при жизни автора (1991, 1995, 1996), были снабжены заголовками, а в других обозначены цифрами, но не озаглавлены. В настоящем издании озаглавлены все параграфы монографии – в большинстве случаев на основе авторских формулировок, несущих в себе основную мысль параграфа.

2. Предисловия автора к брошюрам-очеркам с указанием выходных данных соответствующих брошюр собраны в приложении 1 (см. п. 4). Они расположены в хронологическом порядке, как и одноименные брошюрам главы монографии, и легко могут быть соотнесены с последними.

3. Изменения внесены в композицию авторских примечаний. Библиографические отсылки, ранее рассредоточенные по брошюрам (а они, естественно, повторяются), собраны в алфавитном порядке в конце работы. Те примечания, в которых нет ссылки на литературу или есть нечто помимо такой ссылки, вынесены в подстрочник соответствующей страницы основного текста.

4. В книгу включены Приложения, которые позволят читателю получить дополнительные сведения о лингвофилософских взглядах В.С. Юрченко и его научном творчестве в целом. Раздел состоит из трех частей: 1) *Предисловия автора к брошюрам-очеркам 1991-1997гг.*; 2) *Дневник ученого* (фрагменты его дневниковых записей лингвофилософского содержания, предваряемые вступительной статьей

Виталии Владимировны Юрченко – супруги Василия Семеновича, филолога по образованию); 3) *Список научных публикаций В.С. Юрченко* (а также работ, посвященных его жизни, научной и педагогической деятельности).

Нет никаких оснований сомневаться в том, что монографическое издание серии лингвофилософских очерков В.С. Юрченко было бы одобрено их автором, хотя несомненно и то, что при жизни автора оно было бы несколько иным – возможно, в чем-то и по содержанию, но по форме изложения некоторых частей работы – безусловно. В.С. Юрченко обязательно постарался бы избавиться от частых «повторений», которые его явно беспокоили и даже раздражали. «К сожалению, – писал он в предисловии к одной из очередных брошюр-очерков, – из-за финансовых трудностей цельную композицию, в которой все взаимосвязано и взаимообусловлено, приходится излагать в ряде небольших по объему публикаций, что ведет к фрагментарности, конспективности, повторениям» [1995: 2]. Казалось бы, руководствуясь этим замечанием автора, можно было бы и сейчас избавиться от некоторых «повторений». Однако мы решили этого не делать по нескольким соображениям: 1) лаконичный стиль работ В.С. Юрченко (сам автор называл его «конспективным» и даже «категоричным», унаследованным от его юридического прошлого [1994: 3]) не позволяет что-либо изъять из текста без риска нарушить логику рассуждений автора; 2) при систематическом чтении «рассыпанной монографии» становится очевидным, что то, что на поверхности кажется избыточным повторением (это обычно касается нескольких фундаментальных положений теории предложения), фактически является необходимым инструментом поэтапного построения парадигмы знаний в рамках развиваемой концепции.

3

Многоплановое содержание лингвофилософской теории В.С. Юрченко вряд ли может быть адекватно представлено в тезисной форме, однако некоторые основные ее положения все-таки можно свести в небольшой список тезисов.

I. *Исследования лингвофилософской тематики* – это не то же самое, что *философия языка*. Они осуществляются лингвистами и соединяют в себе *философию языка* и *философию языкознания* [1997: 1]. При этом оба направления лингвистической теории имеют самостоятельную значимость и чрезвычайно важны, поскольку разграничение и

соотнесение системы знания и системы объекта – это один из главных методологических принципов науки [1995а: 1].

Эта мысль автора стала главным мотивом выбора общего названия публикуемой монографии. Надо сказать, что сам В.С. Юрченко много думал над общим определением «жанра» своих лингвофилософских работ («и их месте среди других работ» общетеоретической тематики [1997: 1; см. также с. 334 настоящего издания]). Это отразилось даже и на орфографической динамике термина *лингвофилософский* в подзаголовках его брошюр-очерков: от сочинительного написания «*лингво-философский*», «*философский и лингвистический*» («Философские и лингвистические аспекты семантики») к подчинительному – «*лингвофилософский*». В последнем случае ученый, кажется, приближался к мысли о принадлежности его работ к особой отрасли научных знаний – лингвистической философии. Понятие это у В.С. Юрченко действительно встречается, но эпизодически и, как правило, в иных контекстах [ср., например, 1992: 15]; *философия языка* и *философия языкознания* под общее имя (термин) им не подведены.

II. Основная предпосылка *философии языка*, по В.С. Юрченко, состоит в том, что Язык (в отличие от речи) – это абстрактная система. Его постоянные векторы: предметно-признаковость, идущая от действительности (мироздания), интенциональность, идущая от человека, линейность, идущая от реального времени. «Язык есть процесс и результат структуриации человеческим сознанием предметно-признакового континуума мира на оси реального времени» [1997: 14]. Он отражает действительность и, следовательно, в своем собственном строении неизбежно «воспроизводит» строение Вселенной. «Формируясь на линейной оси реального времени, язык прошел все ступени космического числа...» – 1+3 [1991: 6-14; 1992: 17-34]. «Он тоже, с одной стороны, знает свое сингулярное свернутое состояние, а с другой, – его синхронное и диахроническое становление сопровождается расширением и усложнением, так что можно говорить, что человек живет не только в раздувающейся Вселенной, но и в расширяющемся Языке» [1992: 102]. Это главное.

Все остальное: общие и частные характеристики языковых систем, единиц, процессов – логически вытекает из сказанного.

1. Грамматический остов (каркас) Языка – это структура, опирающаяся на две основы: в рамках языкового мышления – на субъектно-предикатную структуру (предмет – всеобщий признак), в рамках внеязыковой действительности – на линейную однонаправленную ось реального времени [1995а: 1]. Такой структурой является *глубинная инвариантная структура предложения*: «непосредственный признак (атрибутивная позиция) – предмет (субъектная позиция) – опосредствующий

признак (предикатная позиция) – опосредствованный признак (заглагольная позиция для обстоятельств и дополнений)» [15].

2. Грамматическое (глубинное) предложение объективно, онтологически существует в языке в готовом виде. Это всеобщая языковая константа, исходная единица языка вообще (не только синтаксиса), неподвластная не только речевым, но и национально-языковым преобразованиям. Важнейшим аргументом в пользу такого заключения является неразрывная связь языка и языкового мышления: «структура мысли и выражающее ее предложение – это единая система, поэтому нельзя к естественной («готовой») структуре мысли искусственно пристроить грамматическое предложение» [7, 8].

3. «Готовая» структура инвариантного предложения, объективно заданная единством инвариантной системы «мысль – язык», – это четырехчленная (четырепозиционная) структура: «четыре позиции, которые можно обозначить при помощи терминов: непосредственный признак (атрибутивная позиция) – предмет (субъектная позиция) – опосредствующий признак (предикатная позиция) – опосредствованный признак (заглагольная позиция для обстоятельств и дополнений)»; «все члены предложения и все слова языка, прямо или косвенно, изначально или вторично распределены по данным четырем позициям..., как и наоборот, каждая позиция не остается пустой, а замещается соответствующими синтаксическими – лексическими элементами» [15, 16]. Предельная «четырёхместная» структура исходного предложения («иных позиций, кроме названных четырех (скажем, пятой, шестой и т.д.), в языке нет» [16]) корнями своими уходит в предметно-признаковую структуру действительного мира («от Солнца до песчинки, от Вселенной до микрочастицы» [17]), а затем и виртуального логического суждения. Вместе с тем грамматическое предложение не копирует структуру мысли, а «перерастает» ее, расщепляя универсальный «предмет» и универсальный «признак» («предельно абстрактный признак, признак вообще» [18]) на составляющие и располагая их на оси времени (на уровне виртуального суждения физического времени нет): в непосредственной связи с предметом (атрибут) и опосредствованно, через признак-предикат (квалитатив, темпоратив, локатив, объект).

Вопрос о том, почему перечень признаков, размещенных на линейной оси предложения, ограничивается названными, был бы бессмысленным, поскольку речь идет не о конкретных признаках (конкретика эта беспредельна), а о типах признака предмета, список которых в приведенном перечне исчерпан.